

МИФЫ О РОССИИ VS РЕАЛЬНОСТЬ

В.Д. Соловей

Одна из самых удивительных вещей, периодически встречающихся в публицистике и даже в серьезной науке, это так называемая «русская историософия», сиречь рассуждения о «русском характере» и «миссии России». Неплохо образованные и порою неглупые люди пишут о нашем народе так, как можно писать об инопланетянах, которых воочию никто никогда нигде не наблюдал.

Узнаете ли вы русских в подобном описании: аскетичный, равнодушный ко всем материальным благам, братолюбивый, общинный, богобоязненный, послушный властям народ, мечтающий о том, чтобы отдать ближнему последнему рубашу и надорваться, выполняя великую миссию («землю в Гренаде крестьянам отдать», восстановить «третий Рим», на худой конец, спасти Ливию от натовской агрессии)? Живя с русскими и среди русских более полувека, я подобных экземпляров не встречал. Честно говоря, очень сомневаюсь, что русские и в прошлом когда-нибудь были такими, как их воображают некоторые народолюбцы, хотя и признаю допустимость подобных суждений. Мне в истории видится одно, а другим наблюдателям — иное.

Однако настоящее-то для нас всех общее. И оно позволяет понять, каковы россияне не в отвлеченных полетах теоретической мысли, а на самом деле. Имеются по крайней мере два надежных и проверенных способа выносить суждения о народе: наблюдение его массовых практик (то есть повторяющихся моделей поведения масс людей) и интерпретация его ценностных ориентаций, выявленных посредством социологии, а не путем интеллектуальных спекуляций. Если оба этих способа дают подтверждающие друг друга результаты, то, со всеми возможными оговорками, этот результат

и будет максимально возможным приближением к реальному положению вещей.

Специально подчеркну, что для валидности результата имеет принципиальное значение обширное пересечение массовых практик и ценностных ориентаций. Это особенно важно в связи с существованием хорошо известного социологам феномена так называемых «парадных ценностей», или *ценностей для других*. Парадные ценности — это представления (обычно весьма приукрашенные) о себе, которые мы хотим вызвать у окружающих. Перефразируя Фромма, казаться людям важнее, чем быть. В то время как в своем актуальном поведении мы руководствуемся иными ценностями — *ценностями для себя*.

Весьма схематично современные массовые практики и жизненные стратегии в России можно охарактеризовать как *достижительные*, т.е. ориентированные на социальный и материальный успех. Причем речь идет об успехе здесь и сейчас, для себя и для семьи, а не о стремлении к некоему общему успеху в светлом, трансцендированном будущем. Стремление жить лучше и готовность ради этого много и тяжело работать служит своеобразной «красной нитью» российского общества.

При этом наши сограждане вовсе не аскеты и не «уравнители», как им приписывает неославянофильская псевдопатриотическая мысль. Расхожее мнение о приверженности отечественного менталитета «уравниловке» опровергается социологией. Хотя «наши сограждане очень чувствительны к проблеме справедливости <...> большинство — в настоящее время это 60%, а среди молодежи до 30 лет 67–68% опрошенных — отдает предпочтение равенству возмож-

ностей, считая это более справедливым, чем механическое нивелирование условий жизни»¹. Характерно, что даже в старших возрастных группах (51–60 лет и старше 60 лет), т.е. среди людей, выросших и прошедших социализацию в советскую эпоху, идея «равенства доходов» отстает от идеи «равенства возможностей»².

Впрочем, для знающих советскую жизнь по личному опыту, а не понаслышке, в этом нет ничего удивительного. Несмотря на официально поощряемые ценности коллективизма и социального равенства, неформальные массовые советские практики носили вполне достижительный характер. В этом смысле ценностная революция последнего десятилетия была подготовлена советской эпохой, в полном смысле слова созрела в ее недрах, а не привнесена извне.

Примечательно, что и тогда — в позднем СССР, и сейчас характер материальных притязаний подавляющего большинства населения был и остается довольно скромным. По крайней мере в сравнении с европейским или, тем паче, американским горизонтом. Краеугольный камень материального успеха в нашем социуме — наличие собственного жилья (квартиры или дома), в идеале — городской квартиры и загородного дом(ик)а. Однако для подавляющего большинства населения (около 80%) перспектива приобрести собственное жилье в настоящее время гораздо менее реалистична, чем во времена жилищной программы последнего советского генсека Михаила Горбачева.

Но это уже вопрос к крайне несправедливому устройству нашей социально-экономической системы, где даже упорно работающие люди имеют не слишком много шансов реализовать свои более чем умеренные надежды и чаяния. Доля россиян, выигравших в результате кардинальных социоэкономических и политических трансформаций последнего десятилетия, весьма невелика. Надеж-

ным, хотя и косвенным показателем ее оценки способно служить число граждан страны, выезжающих за границу с туристическими целями.

По данным 2010 г., доля россиян, никогда не покидавших пределы России, составила 79%, в то время как в zahraniчные туристические поездки в том году выезжало около 10%. Но если иметь в виду, что немалая часть туристов покидала страну дважды, а то и трижды (и все это шло в общий зачет), что для ряда дальневосточных регионов и Калининградской области туризм носил преимущественно характер приграничной торговли, то число, так сказать, «подлинных» туристов уменьшится до 6–8%. А это ничтожно мало по любым меркам. Для сравнения: в прошлом десятилетии zahraniчные вояжи регулярно совершали 54% французов и 75% шведов. Хотя у россиян есть желание путешествовать за границу (по опросу ВЦИОМ 2011 г., 80% респондентов хотели бы совершить туристическую поездку), у подавляющего большинства нет для этого финансовых возможностей.

По этой грубой прикидке, доля бенефициаров постсоветской системы колеблется между 10–20% (последняя цифра, вероятно, даже несколько завышена). Неудивительно, что достиженность служит вектором массовых практик россиян. Для людей, живущих бедно и стесненно, естественно и неизбежно стремление жить лучше, естественно и нормально старание потрудиться ради этой лучшей жизни. В этом смысле современный российский горожанин ничем не отличается от русского крестьянина XIX в., когда «главными считались... ценности сугубо материальные: деньги, хорошая, усадьба, богатство, успех, жизнь, “как у барина”»³.

В целом отечественное общество развивалось в том же направлении, что и западное, с некоторым запозданием следуя пройденным им путем. «Достижитель-

ность русского общества конца XIX века во многом... типологически близка достижительности синхронных ей западных обществ, т.е. русская культура того времени ориентирована в основном на посясторонние, а не потусторонние цели»⁴. Мощная коммунистическая прививка на время отсрочила, но не смогла остановить однажды начатое социокультурное развитие. Более того, именно советская модернизация сделала его в каком-то смысле необратимым — и не только потому, что превратила российское общество в современное (в смысле одного из вариантов общества *Modernity*).

Коммунистические санкции против любых социально и политически ориентированных коллективных действий, табуирование несанкционированной публичной жизни с неизбежностью канализировали людскую активность в приватную сферу. Приблизительно с 1960-х гг. в советском обществе интенсивно формировалась парадоксальная ситуация господства частной сферы при отсутствии частной собственности⁵. Советский человек был сперва «приватизирован» коммунистическим режимом, а уже в посткоммунистическую эпоху этот психологически и культурно подготовленный человек взялся за приватизацию материальных активов и обустройство собственного (как я показал, весьма скромного) быта.

Ну а что касается якобы присущего русским аскетизма, то не очень умно и откровенно нечестно возводить вынужденное состояние (а очень долгое время нам приходилось жить скудно и даже бедно в силу внешних обстоятельств) в ранг добродетели. Идеал он потому и идеал, что выбирается осознанно и добровольно, а не навязывается обстоятельствами или властью.

Не говорю уже, что в традиционалистской историософии отсутствует элементарная логика. Каким-то непостижимым образом она выводит, что именно русские не такие, как другие народы,

что удел России — аскеза, напряжение и жертвенность ради высокой цели, а жизнь в достатке и спокойствии нам заказана. Стало быть, все другие страны и народы мира могут плодиться и размножаться, строиться и обогащаться, что они, кстати, и делают, лишь России и русским предназначено прозябать в вечной нищете.

Где, на каких скрижалях истории, в каком божественном завете отчеканена эта вопиющая несправедливость? Разве высокая цель отменяет комфортную жизнь? Нравится нам или нет, но именно американцы сейчас самый мессианский народ иудео-христианской цивилизации, однако попробуйте им сказать, что они должны прозябать в нищете во имя «сияющего града на холме».

Как невозможно назвать современное российское общество аскетическим и неотмирно ориентированным, так невозможно назвать его общинным, коллективистским. У нас даже соседи по лестничной площадке знать не желают друг друга, а при строительстве загородного дома первым делом возводится высоченный забор. Однако это и не индивидуализм. Пресловутый индивидуализм Запада выглядит в сравнении с нами апофеозом общинности. Современное русское общество — *атомизированное*, сфера броуновского движения индивидуальных волей, желаний и жизненных стратегий, где трудно обнаружить какие-нибудь силовые линии в виде *работающих* «больших» идей. Даже если таковые обнаруживаются, то скорее как парадные ценности и нормативистские представления.

Это хорошо заметно при анализе «больших» идей российского общества. Мало того что традиционные мессианские идеи имеют невысокий рейтинг: «идея объединения всех славянских народов» (усеченный панславизм; усеченный, ибо предполагает объединение трех бывших советских республик восточнославянского корня — России, Укра-

ины, Белоруссии, но никак не всех славянских народов и стран) — 9% в 1995 г., 15% — в 2001, 13% — в 2011; «идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа» — соответственно 7%, 8% и 9%; «идея очищения общества через православную веру» — соответственно 6%, 8% и 9%⁶. В повседневной жизни невозможно обнаружить практики, воплощающие эти идеи.

Отношение россиян к «газовым войнам» с Украиной и с Белоруссией совершенно очевидно формировалось по принципу «своя рубашка ближе к телу», а не исходя из презумпции славянского братства.

То же самое относится и к приторному оптимизму воцерковления. В стране, где старики роются в помойках, вряд ли возможно говорить о православии как влиятельной ценностной ориентации. А массовые православные практики, судя по психозу вокруг пресловутого «пояса Богородицы» — известной исторической фальшивки, носят магический, т.е. сущностно языческий характер. В этом отношении Запад, проклинаемый записными патриотами за «бездуховность», находится значительно ближе — и ценностно, и по массовым практикам — к христианскому идеалу, чем «богоспасаемая Русь».

В использовавшейся автором социологии самый высокий рейтинг у идеи «единения народов России в целях ее возрождения как великой державы»⁷. Однако естественный соблазн представить ее как традиционную мессианскую русскую (советскую) идею не выдерживает испытания в свете современного понимания великодержавия нашими соотечественниками. Выясняется, что на первом месте для них теперь находятся не такие традиционные атрибуты величия, как военная мощь и территориальный контроль, а развитая экономика, господство права, высокий уровень благосостояния граждан, передовая наука и высокие технологии. То есть российское общество

ориентируется на западный, а не автохтонный образец великодержавия. Причем среди людей младше 45 лет, т.е. тех, кто определяет будущее страны, превалирует акцент на «новых» атрибутах державности, в то время как среди старших возрастов — на традиционных⁸.

Но даже те, кто хочет видеть Россию великой страной — не важно, старого или нового типа, — не готовы хоть чем-то жертвовать ради почетного статуса. Они предпочитают, чтобы Россия снова стала великой без напряжения с их стороны.

Российский патриотизм приобрел за последнее десятилетие весьма сдержанный и прагматичный характер. Традиция «сперва думать о Родине, а потом о себе» не исчезла, но все более заметно превращается в парадную ценность. Причем даже в этом качестве она не превалирует: доля тех, кто придерживается точки зрения «Родина у человека одна, нехорошо ее покидать», лишь немногим превышает долю согласных с тем, что «человек должен жить в той стране, где ему больше нравится». При этом космополитическая — *ubi bene, ibi patria* — альтернатива заметно преобладает среди наиболее обеспеченных слоев и молодежи⁹. Более того, именно молодежь демонстрирует выраженную готовность покинуть страну: среди тех, кому до 30 лет, лишь четверть сказала, что вообще не хотела бы жить за рубежом, в то время как свыше трети хотели бы уехать за границу «на заработки», а каждый пятый готов покинуть Россию навсегда¹⁰.

Как мы видим, в целом ни одна «большая» идея, включая патриотизм *per se*, не обладает значительным мобилизационным потенциалом. Традиционный русский (советский) мессианизм утратил значение влиятельного и актуального социокультурного фактора. Мессианские представления, сохранившиеся в виде культурных мифов, носят инерционный и умирающий характер.

В данном отношении Россия пошла европейским путем. В Европе все круп-

ные нации имели ту или иную версию мессианской идеи, которая сошла на нет к середине XX в. В России подобное случилось с опозданием на полвека.

Еще раз повторю: единственная страна иудео-христианской цивилизации, сохранившая актуальный мессианизм, — это Соединенные Штаты Америки. Американцы рассматривают распространение демократии в мире, защиту прав человека, борьбу с бедностью и болезнями как свое кровное дело и как глобальную миссию США¹¹.

В общем и целом, по своим жизненным стратегиям и жизнеустроительным ценностям современные русские не имеют ничего общего с литературоцентричной мифологией русскости и России. Они ведут себя как вполне буржуазный и обычный европейский народ, мечты, надежды и желания которого самые что ни на есть буржуазные и обычные. Если коротко, это желание спокойной, обеспеченной и свободной жизни, бытия без всяких духоподъемных химер и желательного подальше от излишне стеснительной и загромождающей длани государства.

Правда, для подавляющего большинства наших сограждан сей скромный идеал почти так же недостижим, как взывание Града Небесного или окончательная победа коммунизма. Страшный и неизбывный грех «русской историософии» не в ее скудоумии и пошлом филистерстве, а в том, что она фактически оправдывает систему почти колониального угнетения и издевательства.

Слава Богу, наш народ умнее домогренных учителей аскетизма, которые сами, кстати, предпочитают жизнь комфортную и сытую. Он продолжает заниматься своим делом — обустройством личной жизни, которое и есть обустройство России. Русские больше не верят никаким духоподъемным идеям. Их не заманишь в рати и трудовые армии строителей утопии, как бы она ни называлась и под каким бы соусом ни подавалась. Русские хотят жить здесь и сейчас, не понимая, почему и ради

чего они должны отрывать от себя и своих детей добытый тяжелым трудом кусок.

Возможно, когда-то мы и были народом для других, но сейчас совершенно точно стали народом для себя. Из бесшабашной и полной избыточных сил юности народ перешел в трезвую зрелость. Это не хорошо и не плохо. Это — неопровержимая реальность.

Хотя российские желания и мечты скромны и ограничены по любым западным меркам, добиться их осуществления чаще всего не удастся. Почему? Русские винят в этом власть, что хорошо заметно по их повседневному отношению к любым проявлениям власти. В этом отношении преобладают такие эмоции, как ненависть, страх и презрение. А какими они еще могут быть, если к 2011 г. «в стране практически не осталось людей, которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. И напротив, 3/4 россиян убеждены в обратном: все в нашей стране решают руководители и политики»?¹² Из выраженного элитистского характера российской власти массовое сознание неизбежно делает вывод о ее тотальной несправедливости.

Вторая причина критического отношения россиян к власти — ее неэффективность. «Другая, не менее значимая причина недовольства состоит в *крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических институтов*»¹³. Между тем, в перспективе исторической социологии, признание власти одновременно несправедливой и неэффективной означает признание ее тотально нелегитимной. И от такого признания лишь один шаг к массовому политическому протесту, первые проявления которого мы и наблюдаем с декабря 2011 г.

Какую же власть хотят видеть россияне вместо нынешней — несправедливой и неэффективной? И в этом пункте традиционалистская историософия сбивает столь же кардинально, что и трак-

товке русского характера и жизненных устремлений русских. Власть, которой они хотят, это не монархия, не «сильная рука», а обычная демократия — демократия самого что ни на есть западного образца, а не какого-нибудь автохтонного извода. По социологическим данным, в массовом сознании россиян надежно укоренилось представление о предпочтительности демократии другим формам правления, а «восприятие россиянами основных ценностных слагаемых демократии мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий»¹⁴.

Наши соотечественники хотят, чтобы общество могло влиять на власть, а та была ответственна перед обществом; хотят разделения властей и независимого суда; хотят свободных выборов и многопартийной системы; хотят свободы слова, неприкосновенности личности и гарантий прав собственности. Они боятся произвола властей, их не устраивает правовая и гражданская беспомощность, им не нравится ограничение политических свобод и свободы слова. Не азиатская деспотия или советский социализм, как бы он ни был хорош, а европейское устройство власти и европейский уклад жизни — вот магистральный выбор современного русского народа. И если он не вписывается в чьи-то теоретические схемы и возвышенные рассуждения, то это беда схем и их авторов, а не вина народа.

Резюмируя, ценностный вектор политических представлений современных россиян диаметрально противоположен распространенной мифологии о «врожденной» неспособности России к демократии. Так что же остается из расхожего компендиума традиционалистской историософии? Пожалуй, только пункт об особой российской цивилизации как альтернативе западной.

На первый взгляд, это единственное сохраняющее силу утверждение традиционалистской историософии: «Только треть наших сограждан соглашаются

с тезисом, согласно которому они непременно должны жить по тем же правилам, что и страны Запада, тогда как 2/3 убеждены в том, что Россия — это особая цивилизация и ее западный образ жизни здесь никогда не привьется»¹⁵. Однако, как говорится в американских фильмах, это не то, чем кажется.

Во-первых, предшествующий анализ наглядно засвидетельствовал, что по жизнеустроительным и политическим ценностям, по жизненным стратегиям и массовым повседневным практикам не существует принципиальных различий между россиянами и европейцами.

Во-вторых, изучение того, какое же именно содержание русские вкладывают в понятие «особой цивилизации», приводит к выводу, что речь идет об «особости» в европейском контексте, что Россия воспринимается общественным сознанием именно как Европа, хотя *другая* Европа. «Практически 2/3 россиян считают Россию естественной частью Европы и полагают, что в дальнейшем она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира, тогда как число активного проповедуемого сегодня (опрос проводился в марте 2000 г. — В.С.) евразийства составило не более 1/3. Уровень значимости для россиян азиатских стран в целом сравнительно невелик. Само слово “Европа” в ассоциативных рядах массового сознания россиян окрашено значительно позитивнее, чем “Азия”...»¹⁶. Добавлю, что к настоящему времени доля сторонников евразийства кардинально сократилась.

Вообще расшифровка концепта «евразийство» показывает, что российское общество вкладывает в него совсем не тот смысл, что идеологи и теоретики этого маргинального (и всегда бывшего маргинальным) интеллектуально-идеологического течения. Для русских «евразийство» не особая цивилизационная идентичность, а прежде всего, недостаточно цивилизованный, *недоевропейский* (и именно в этом смысле азиатский!)

характер отечественной политической системы и экономики. В том, что касается культуры, которая во всех известных определениях цивилизаций отводится ключевая роль, подавляющее большинство респондентов придерживается мнения о европейской природе отечественной культуры.

Проще говоря, то, что азиатское по своей природе (за исключением, пожалуй, кухни), гарантированно воспринимается русскими со знаком «минус», европейское — со знаком «плюс». Ощущение несравненно большей близости России к Западу, чем к Востоку, не детерминировано материальными факторами. Ни одна из стран Азии, включая технологически сверхразвитую Японию, не рассматривается русскими как желательное место эмиграции¹⁷.

В то же время российский взгляд на Запад никоим образом нельзя назвать неоправданно оптимистичным; он — сдержанный, прагматичный, реалистичный и даже подозрительный. «Сопоставление данных (об отношении россиян к внешнему миру. — В.С.) дает... фактически лишь одну переменную — долю респондентов, подозревающих Запад в недоброжелательном отношении к России. Последняя на протяжении всего периода наблюдений (с 1995 по 2011 г. — В.С.) постепенно возрастала и к настоящему времени вплотную приблизилась к половине выборки»¹⁸. Однако даже со всеми возможными резервациями, «субстанция» Запада воспринимается нами как родственная, в то время как «субстанция» Востока — как чужеродная.

Русская формула цивилизационной идентичности не лишена налета парадоксальности: *особая идентичность* в широком *западном контексте* или, иными словами, *Россия как другая Европа*. Причем этой формуле приблизительно столько же лет, сколько самому отечественному дискурсу о цивилизационной идентичности нашей страны. Точка зрения о России как другой Европе абсолютно доминировала в образованных слоях отечественного общества на всем протяжении имперской эпохи. Не смогла подавить прозападного вектора массового сознания и претензия особой цивилизационной идентичности Советского Союза. Более того, советская культурно-идеологическая стратегия парадоксально его усилила¹⁹. Наконец, в постсоветскую эпоху произошло возвращение к дореволюционной формуле российской идентичности, которая, по причине освобождения России от «внутреннего Востока» имперского наследства — Закавказья и Средней Азии, выглядит сейчас даже более убедительно, чем в XIX в.

Итак, компендиум традиционалистской историософии нерелевантен ни в одном из своих пунктов. Современные русские — совсем не такие, как их описывают распространенные культурные мифы. По своим практикам и стратегиям, по своим жизнеустроительным и политическим ценностям, по своему взгляду на внешний мир, мы — нормальный европейский народ с нормальными европейскими потребностями. Это не оценочное суждение, это — фундаментальный факт.

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 149 [Dvadsat' let reform glazami rossijan (opyt mnogoletnih sotsiologicheskikh zamerov): Analiticheslij doklad. M.: Institut sotsiologii RAN, 2010. P. 149].

² Там же. Рисунок 8.2.

³ Западники и националисты: возможен ли диалог? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 257 [Zapadniki i natsionalisty: vozmozhen li dialog? M.: Liberal'naja missija foundation, 2003. P. 257].

⁴ Там же. С. 258.

- ⁵ Глубокий анализ этих процессов см. в книге: Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М. : РОСПЭН, 1998 (особенно лекция 8) [Kapustin B.G. Sovremennost' kak predmet politicheskoy teorii. M. : ROSSPAN, 1998].
- ⁶ Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 144. Табл. 8.1 [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 144].
- ⁷ Там же.
- ⁸ Попов Н.Н. Ностальгия по величию. Россия в постсоветском пространстве // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (81). Янв.-март. С. 51–52. [Popov N.N. Nostalgija po velichiju. Rossija v postsovetskom prostranstve // Monitoring obschestvennogo mnenija. 2007. 1 Jan.-Mar. P. 51–52].
- ⁹ Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 153–154. Рис. 8.6, 8.7 [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 153–154].
- ¹⁰ Там же. С. 142.
- ¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Опросы общественного мнения в США: что думают американцы о религии, политике, морали, правах и свободах, технических новшествах... // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (81). Янв.-март. С. 28–130 [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Oprosy obshestvennogo mnenija v SSHA: chto dumajut amerikantsi o religii, politike, morali, pravah i svobodah, tehniceskikh novshestvah... // Monitoring obschestvennogo mnenia. 2007. 1 (81). Jan.-Mar. P. 28–130].
- ¹² Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 178 [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 178].
- ¹³ Там же. С. 180.
- ¹⁴ Там же. С. 180.
- ¹⁵ Там же. С. 155.
- ¹⁶ Россия на рубеже веков / отв. ред. М.К. Горшков. М. : РОССПЭН, 2000. С. 406 [Rossija na rubezhe vekov / ed. M.K. Gorshkov. M. : ROSSPAN, 2000. P. 406].
- ¹⁷ Там же. С. 228–230.
- ¹⁸ Двадцать лет реформ глазами россиян. С. 190–191. Табл. 11.2. [Dvadsat' let reform glazami rossiyan. P. 190–191].
- ¹⁹ Подробнее об этом см. главу 7 книги: Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М. : Русский Мир, 2008 [Solovej V.D. Krov' i pochva russkoj istorii. M: Russkij Mir', 2008].